

Лариса Новицкая

*Беларусь. По местам легенд
о любви*



Лариса Новицкая

**Беларусь. По местам
легенд о любви**

«Издательские решения»

Новицкая Л.

Беларусь. По местам легенд о любви / Л. Новицкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939013-4

Книга «Беларусь. По местам легенд о любви» приглашает в необычное путешествие по уголкам Беларуси, где разворачивались любовные драмы, запечатленные народными легендами. Чарующий мир древних богов и богинь... мир семейных ценностей всех слоев белорусского общества... мир духовного единства человека с силами природы и дара общаться с ними во благо себе и родным людям притянет, наполнит чувством благородства и собственного достоинства и не отпустит до самой последней страницы.

ISBN 978-5-44-939013-4

© Новицкая Л.
© Издательские решения

Содержание

Браслав. Легенда о происхождении названия Браслав	6
Начало истории Браслава	6
Браслав – центр повета. Поветовые соймаки	7
Продолжение рассказа об истории Браслава	8
Костел Рождества Девы Марии и Успенская церковь	9
Ледниковое озеро Дривяты	10
Браслав в судьбе московской княжны Елены Ивановны	11
Народный доктор Станислав Нарбут	14
Легенда о происхождении названия Браслав	16
Воложин. Легенда о мистике Аризале	17
Вехи истории Воложина	17
Воложин при графах Тышкевичах	18
Воложин в XX веке	19
Штетеле Воложин	20
Мировая слава Воложинской иешивы	21
Еврейская община Воложина в польский период 1921— 1939 годов	22
Воложин С 1939 до 1945 года	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Беларусь. По местам легенд о любви

Лариса Новицкая

© Лариса Новицкая, 2018

ISBN 978-5-4493-9013-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Браслав. Легенда о происхождении названия Браслав

Начало истории Браслава

Город Браслав Витебской области стоит на берегу чистейшего озера Дривяты, входящего в систему Браславских озер. Название города имеет в корне балтскую основу «брасл», брод, мелководье. Это не случайно: с IX века на данной территории жило балтское племя латгалов. С ними соседствовали кривичи. Позже на 14 метровой горе, носящей сейчас название Замковая, возник древний центр Браслава. Принято считать основателем города полоцкого князя Брячислава, отца Всеслава Чародея.

Первые летописные сведения связывают город с нападением на него в 1065 году литовских князей Кернуса и Гимбута и отражены в «Хронике Быховца». Разрушенный тогда литовцами, город вскоре заново отстроился. Археологические находки рассказывают, как жители ставили рубленые наземные дома, занимались гончарным ремеслом, ткачеством, обрабатывали кожи и кость, занимались сельским хозяйством, и конечно же, рыболовством. Ведь древний Браслав развивался на перешейке между озером Дривяты и рекой Друйка. Центром города стал замок, давший название горе.

С начала XIV века город вошел в состав Великого Княжества Литовского. Им непосредственно управляли Великие князья, посылавшие в него своих наместников. С жизнью Браслава в 1559 году связано распоряжение польского короля Сигизмунда Августа, приказавшего перенести город на другое место, ибо «построен на месте небезопасном» Видимо, король видел опасность в дюнах над Дривятами. Но город, имевший 5 улиц, больше сотни домов, казармы, православную церковь, костел, больницу, рынок, православный монастырь замок остался стоять на своем месте.

К сожалению, Браславский замок не сохранился, но о нем рассказывают документы 1514 года, когда Браславу королевским указом было подтверждено магдебургское право, русские хроники Ливонских войн 1558—1583 годов, карта замка 1613 года и его описание 1649 года.

Браслав – центр повета. Поветовые соймики

В 1566 году Браслав стал центром повета Виленского воеводства. Поветом руководили предводитель и его помощник подкормий. В городскую администрацию входили хорунжий, судья, подсудок, писарь. Специально для проведения поветовых сеймиков в 1590 году на горе построили здание, где так же находились суд и архив.

На соймиках избирались депутаты на общий сойм Речи Посполитой, проходивший раз в два года, депутаты на сойм ВКЛ и депутаты в Трибунал. Белорусская шляхта была непосредственным участником государственного управления, так как все шляхтичи Речи Посполитой могли с правом вето участвовать в сойме, избиравшем короля Польши.

Браславский соймик решал многочисленные местные проблемы. На нем ценились яркие и пламенные речи, а споры по разным вопросам часто перерастали в военные стычки. Главное место во время поветового соймника занимали закулисные переговоры между руководителями различных шляхетских партий. Обычно для привлечения на свою сторону большинства они устраивали угощение. Знатным панам и заграничным гостям полагалось качественное венгерское вино и отборные продукты. Мелкой шляхте на столы подавали говядину, свинину, баранину, жареных индюков и гусей. Готовилось все специально соленое и кислое, вызывающее желания пить, особенно пиво.

С утра слуга, обслуживающий мелких шляхтичей, три раза подносил им водку, а на стол ставил хлеб, масло, смаженину. Во время трапезы к ним подходили крупные шляхтичи, магнаты, и давали наставления, что нужно поддерживать, а чему противиться. Потом отводили в костел, где вершился сам соймик. Там мелкой шляхте приходилось стараться изо всех сил, отстаивая интересы своих «кормильцев» и речами, и дракой, и даже саблями. После сессии их снова отводили к месту застолья и трапеза продолжалась. И так продолжалось в течение всего соймника.

Голосование за выборные должности называлось «кресованьем»: на доске против имени кандидата ставился мелом крестик. Чем больше кресок, крестиков, тем больше голосов. И, несмотря на пиры и пьянство, на подкуп должностей, шляхта чувствовала совою ответственность за страну, чувствовала свою значимость в решении государственных дел.

Продолжение рассказа об истории Браслава

Браслав сильно пострадал в период русско-польской войны 1654—1667 годов. В 1661 году город полностью сгорел, и государственный сейм освободил его на 4 года от всех податей. После окончания войны Браслав остался в составе Польши и начал отстраиваться. Но очередная война, Северная, 1700—1721 годов, принесла новые разрушения.

В 1795 году, после третьего раздела Речи Посполитой Браслава вошел в состав Российской империи. Через него, как и через многие другие наши города, прокатилась война 1812 года. Здесь даже несколько дней располагался штаб французского генерала М. Нэя, которого потом выбил из города отряд полковника Я.И Власова.

В 1843 году Браслав получил новое имя – Новоалександровск, и со своими 300 жителями вошел в Ковенскую губернию.

До начала Первой мировой войны Новоалександровск жил тихой местечковой жизнью. В 1915 – начале 1918 года рядом с городом остановилась линия фронта. Потом Браслав ненадолго оккупировали немцы. После освобождения, в декабре 1918 года, в городе был создан военно-революционный комитет. В начале 1919 года новая власть сделала Браслав центром Браславского района Литовской ССР, потом Литовско-Белорусской ССР.

С февраля того же года по Рижскому миру Браслав стал польским городом и развивался как центр туризма. В тот период по проекту архитектора Ю. Клоса общественный городской центр перенесли на западную окраину. Были построены жилые двухэтажные здания в «закопанском» стиле для чиновников, административные здания.

С 1939 года Браслав со своим населением 4,9 тысяч человек вошел в состав БССР, а в 1941 году был оккупирован немцами. Освобождение пришло 6 июля 1944 года. В честь этого события в городском сквере установлен монументальный памятник.

Вскоре после окончания войны началась реконструкция города, бережно сохранившая примыкающую к Замковой горе застройку XIX – начала XX века. Дома, стоящие вдоль улиц, окаймляющих озеро, поставлены на фундаменты из крупного бута. Сейчас в Браславе появляются довольно интересные по своей архитектуре частные застройки, в том числе гостевых домов.

Костел Рождества Девы Марии и Успенская церковь

Одна из главных архитектурных достопримечательностей города – костел Рождества Девы Марии возле Замковой горы, построенный в 1894 году. С 1967 года он является памятником архитектуры.

В костеле находится чудотворная икона Матери Божьей Монастырской. У нее необычная история. С XV века икона хранилась в православном монастыре на острове озера Неспиш, в трех километрах от Браслава. С XVII века монастырь перешел к униатской церкви, ордену базилиан. В 1832 году монастырь полностью сгорел во время пожара, но икона чудом уцелела. Верующие принесли чудотворный образ в Браслав, но икона исчезла и ее нашли через некоторое время снова на острове. Так происходило два раза. На третий раз вернуть икону поручили двум преступникам. И, лишь после этого икона осталась в Браславском храме.

Ледниковое озеро Дривяты

И все же основная визитная карточка Браслава – озера. В первую очередь ледниковое озеро Дривяты, возникшее 12 тысяч лет назад. Название Дривяты произошло от балтского корня «др», «рыхлый, топкий». Именно таковы его южные берега. В озеро бегут 11 речушек и ручейков, а вытекает одна Друя. Песчаное дно Дривят похоже на холмистый рельеф – то большая глубина, то мели, которых здесь около 50. Кое-где в мелких местах сохранились ледниковые валуны. На озере, открытом ветрам, часто бывают большие волны. Вдоль городского пляжа тянется 100 метровая полоса мелководья. А на глади озера лежат 6 островов.

На берегу Дривят можно увидеть множество лодок, в основном деревянных. Как и сотни лет назад, здесь занимаются рыбной ловлей.

В XIX- XX веках озеро считалось самым рыбным в Браславском регионе. Три части его территории принадлежали графам Броэль-Плятерам, одна четверть – местной церкви. Аренда озера стоила больше 6 тысяч рублей, но доход от выловленной рыбы, особенно судака, превышал арендную плату. Зимой ее, замороженную, везли в Варшаву, Ригу, Санкт-Петербург.

Вода из озера, очень насыщенная кислородом и считавшаяся вкуснее колодезной, использовалась для приготовления еды. В наше время в Дривятах много леща, щуки, налима, угря. Последний иногда встречается длиной до полутора метров.

Браслав в судьбе московской княжны Елены Ивановны

С Браславом связана печальная судьба дочери Ивана III и византийской принцессы Софьи Палеолог Елены (1476—1513). Ей, очень красивой, образованной, обучавшейся у византийского монаха из окружения матери, было уготовано стать супругой Великого Литовского князя, а потом польского короля Александра.

В начале 90-х годов XV века встал вопрос о скреплении мирных отношений между польской короной и Московским княжеством. По предложению Польши речь пошла о браке княжны Елены Ивановны и Великого литовского князя Александра Ягеллончика.

В результате в начале 1494 года в Москву отправилось великокняжеское посольство воеводы Петра Мантыдриговича. В его задачу входило подписание договора о границах и обручение, на котором Александра заменял молодой литвин Станислав Кежгайло.

Хотя Александр имел разрешение Папы Римского на брак с православной княжной, в самой Литве католические сановники настаивали на переходе невесты в католицизм. Тогда Иван III выдвинул следующее требование: будущий зять должен письменно отказаться заставлять Елену принимать католичество. Александр согласился, но с определенными условиями. Если его жена по своей воле захочет стать католичкой, то «воля ей». В итоге брачные переговоры затянулись почти на год, и ни одна из сторон не желала уступить. (56)

В конце концов Александр подписал обещание о выполнении требований Ивана III, и в 1495 году Елена Ивановна со свитой и приданным отправилась в Вильно. Ее сопровождал свадебный поезд с московскими боярами и духовенством. Александра представляли его приближенные: виленский воевода Александр Гапшольд, полоцкий наместник Ян Забрезинский и наместник браславский, смоленский и моголевский Юрий Зенович.

Великий Литовский князь встретил Елену Ивановну за три версты от Вильно, стоя на красном сукне, расстеленном на поле. При встрече нареченные пожали друг другу руки. Обряд венчания в соборе святого Станислава проводил виленский епископ Табор. На нем присутствовали митрополит Киевский архимандрит Макарий, прибывший с княжной священник Фома, московская боярская свита. Княжна по литовскому обычаю стояла на трех саблях. Свадебные торжества продолжались две недели.

Великая княгиня получила в подарок Браслав и множество других земель в Виленском и Троцком воеводствах. Одни ей давались пожизненно, другие она могла передавать православным монастырям, что Елена Ивановна с удовольствием делала.

Великая Литовская княгиня много путешествовала вместе со своим мужем. Особенно она любила бывать в Браславе. Но посещение любимого города не всегда сопровождалось радостью. Так, в 1500 году, во время очередной войны с Москвой, супруги приехали в Браслав, чтобы находиться вблизи от театра военных действий.

Отец Елены Ивановны, московский правитель Иван III, объявил эту войну в ответ на стремление литовской стороны заставить его дочь сменить веру. Поводом для подобного воздействия католического окружения на Елену Ивановну послужили следующие события. В конце 90-х годов XV века встал вопрос об объединении Западно-русской православной церкви и Ватикана, но лишь при условии перехода супруги Великого Литовского князя в католичество.

Исследователь биографии Елены Ивановны историк Б. Н. Флоря разыскал документы, в которых Папа Римский Александр VI Борджиа дал Виленскому епископу полномочия принудить ее к католичеству «мерами церковного исполнения и другими законными средствами», вплоть до расторжения брака и конфискации имущества. А Краковскому епископу Фердинанду, брату Великого князя, поручил предать Елену Ивановну церковному суду, если не удастся переубедить. (56)

Александр не допустил подобных действий в отношении своей супруги. А планы церковной унии не поддержали ни православное население, ни католическое духовенство, желавшее обратить православных в католичество.

Во время той войны, неблагоприятной для литовской стороны, в Елене Ивановне увидели возможного посредника для заключения мирного договора с Москвой. Именно с таким предложением к ней обратился Краковский кардинал Фердинанд с группой епископов. В знак примирения Великой княгине в августе 1501 года подарили имения умершего князя И. Ю. Заславского и перешедших на сторону Ивана III князей С. И. Бельского и В. И. Шемячича.

Но когда в том же году сейм Речи Посполитой избрал Александра польским королем, православной Елене Ивановне было отказано в королевском статусе. Супруга короля даже не присутствовала на его коронации.

Из переписки Елены Ивановны с отцом можно узнать, что она всеми силами старалась отвести гнев московского правителя от своего мужа, которого любила. Она просила отца заключить мир, с горечью сожалея о том, что ее брак вместо ожидаемых добрососедских отношений вызвал войну. Ей пришлось горячо убеждать, что все козни против нее строит католическая верхушка. Еще королевская супруга выражала опасение, что в случае смерти мужа над ней «силу учинят». Защищая дочь, Иван III потребовал от краковского кардинала и Виленского епископа письменный отказ принуждать ее к смене веры.

В 1504 году во время сейма в Радамле король впервые за всю свою жизнь заболел. Вскоре болезнь парализовала всю левую часть тела. Вначале правителя привезли в Краков. Там королю стало лучше и он начал ходить. В октябре монаршие супруги отправились в Вильно. В литовской столице королю практически навязали лекарей-шарлатанов, от «лечения» которых ему становилось все хуже.

Несмотря на болезнь, Александр продолжал выполнять свои обязанности. Он вместе с супругой отправился в Лидский замок поддержать войско перед битвой с татарами. В Лиде король написал завещание о назначении брата Сигизмунда своим главным наследником и опекуном Елены Ивановны с обязательством сохранить за ней все владения.

Обострение болезни заставило короля с женой вернуться в Вильно. Там Александр и умер 19 сентября 1506 года, оставив 30-летнюю королеву вдовой. Она осталась жить в Виленском Нижнем замке, много путешествовала и очень часто бывала в своем любимом Браславе.

Новый польский король Сигизмунд I первое время действительно заботился о родственнице и даже приумножил ее владения за счет земель взбунтовавшегося М. В. Глинского. Поэтому, когда Глинский искал помощи у нового московского правителя Василия III, брата Елены Ивановны, она посоветовала брату сохранять с польским королем мир и изгнать предателя. Но Василий приютил Глинского и начал боевые действия против Польши.

С 1508 года положение Елены Ивановны становилось все хуже и хуже. Король ее не почитал, как вдову брата, виленский воевода отнял земли, а паны разбазаривали казну. Но Елена Ивановна продолжала заниматься меценатством, поддерживать финансово православные монастыри и церкви.

В 1512 году Елена Ивановна сообщила русским послам о желании вернуться в Москву, не имея на то разрешения короля Сигизмунда. Хотя, в первую очередь, разрешение касалось не сколько ее самой, сколько положенного ей огромного имущества, которое по закону страны должно было вместе с женщиной отправиться на ее родину.

Брат Василий наказал ей приехать в Браслав и там ожидать его войско. Собираясь в Браслав, бывшая королева попросила прислать ей казну из 14 сундуков, хранившихся в монастыре францисканцев. Преданные Сигизмунду приближенные Елены Ивановны срочно сообщили об этом королю, и тот королевским указом запретил монахам отдавать сундуки с драгоценностями и деньгами. Затем король велел виленскому и трокскому воеводам задержать непокорную родственницу.

Елену Ивановну арестовали после службы в Успенском костеле, потом насильно отвезли в Троки, затем в Бирштаны. Король начал раздавать ее земли своим приближенным, заставляя вдову брата официально закреплять за ними эту собственность. Василий III выражал протесты против такого произвола над сестрой, но польский двор все отрицал.

Осенью 1512 года началась очередная русско-польская война, а в начале 1513 года король позволил Елене Ивановне выехать в Браслав. Сигизмунду в политической игре с Москвой она была уже не нужна, на ее земли имелось достаточно претендентов и женщину решили убрать. Как утверждал хронист ордена францисканцев Ян Комаровский, в Браслав послали человека с «лютым зельем», и приближенные дали Елене Ивановне «меду испити». (56)

Елена Ивановна умерла в любимом ею Браславе 25 января 1513 года. Ее тело король велел перевезти в Вильно и с почетом похоронить. А в письме к краковскому епископу Сигизмунд написал: «Этим государству нашему не мала уменьшилось хлопот».

Московскую княжну и вдову польского короля похоронили в Пречистенском соборе в Вильно. Там долгое время хранилась икона Одигитрии, которой ее благословил отец. Позже икону передали Виленскому мужскому монастырю Святой Троицы.

Народный доктор Станислав Нарбут

С Браславом связаны не только грустные истории. Одна из них, жизнеутверждающая, о народном докторе Станиславе Нарбуте, мечтавшем создать «эликсир вечной молодости».

Станислав Нарбут родился 4 мая 1853 года в имении Швары, ранее Лидского повета, ныне Вороновского района Гродненской области. Его отец Теодор Нарбут (1784—1864) – известный археолог, историк, военный инженер, разработавший проект Бобруйской крепости. Старший брат Людовик участвовал в польском восстании 1863 года, руководя всеми военными силами повстанцев в Беларуси и Литве. Когда он погиб в бою, его место занял другой брат, Болеслав. После разгрома восстания Болеслава приговорили к расстрелу, но потом сослали в Сибирь. Сестра Станислава, Теодора, тоже участвовала в восстании и бежала в Париж.

Теодора Нарбута из-за «невернопопданического» воспитания детей приговорил к ссылке в Сибирь. Плохое самочувствие послужило поводом для отмены приговора. Теодор Нарбут умер в своем имении в ноябре 1864 года. Его 60-летнюю жену Кристину Садовскую (1803—1899) выслали в пензенскую губернию. Она вернулась в Шавры в 84-летнем возрасте и дожила век рядом с могилой мужа и сына Болеслава.

Самый младший сын Нарбутов, Станислав, с помощью родственников смог поступить в Виленскую гимназию. После ее окончания он уехал в Германию и в 1872 году поступил Мюнхенский университет. В России, как член семьи «государственных преступников», Нарбут не имел права на получение высшего образования.

В Мюнхене студент Нарбут, впитавший дома идеи демократии, принял участие в студенческих волнениях, за что его отчислили из университета и арестовали. Но вскоре арест заменили штрафом и восстановили в университете.

В 1879 году Станислав Теодорович получил степень доктора медицины и остался работать в Германии. Свою диссертацию он посвятил исследованию большой проблемы сельского населения Беларуси того времени – происхождению колтуна.

В начале 80-х годов Нарбут решил вернуться на родину. В России заграничный диплом не давал права на медицинскую практику и Станиславу Теодоровичу пришлось подтвердить диплом, обучаясь два года в университете Дерпта (сейчас Тарту, Эстония).

Приехав в 1882 году на Браславщину, он до 1905 года занимался «вольной практикой». Постепенно доктор пришел к мысли о необходимости занять официальную должность земского врача, чтобы обеспечить медицинское обслуживание не только состоятельным жителям, оплачивающим его услуги, но и малоимущим. В 1905 году он принял присягу «на верность Императору» и получил назначение земским врачом Новоалександровского повета.

В сентябре того же года произошла закладка лечебницы, по сей день называемой «нарбутовской». Доктор не только инициировал ее строительство, но и частично финансировал. Буквально за месяц были построены стены из красного кирпича, поставлена деревянная крыша, заложен фундамент для квартиры врача и его семьи. В октябре 1906 года здание больницы на 35 коек уже приняло первых пациентов.

Получив прекрасное здание, Нарбут мог успешно заниматься своей работой. Он стал не только родоначальником легочной хирургии на территории Беларуси, но и много внимания уделял профилактике инфекций, детскому здоровью. Это единственный случай в медицинской практике, когда врач с докторской степенью работал уездным врачом. Медицинское состояние Новоалександровского повета находилось на таком высочайшем уровне, что Нарбут досрочно получил титул коллежского советника и орден святого Станислава III степени.

Станислав Теодорович проявлял большой интерес к вопросам долгожительства и «вечной молодости». Для их сохранения он разработал рецепт, включавший в качестве «лекарств»

трудолюбие, оптимизм, доброжелательность, интерес к жизни. Тем же задачам служило и созданное им в Браславе 1907 году Общество народной трезвости.

Примером оптимизма и интереса к жизни можно назвать участие земского врача в спектаклях любительского театра, издании газеты «Дух Браславца», инициацию создания пожарной городской дружины в 1895 году. Пожарные не только тушили пожары. По выходным они организовывали концерты духовой музыки на Замковой горе.

В время Первой мировой войны Нарбута назначили начальником военного госпиталя Северо-Западного фронта. Он получил тяжелое ранение в ногу, которую пришлось ампутировать.

Когда в Браслав пришла Красная Армия, Станислав Теодорович хоть и не принял новые идеи, но безоговорочно выполнял свой врачебный долг, лечил красноармейцев. Поэтому оказался «неблагонадежным» для властей Литвы и Польши в последующие годы, когда Браслав поочередно входил в состав этих государств

С 1921 года доктору пришлось заниматься административной работой, решать кадровые вопросы. Польские власти забрали здание больницы для административных служб, а ему досталась небольшая комната, служившая и кабинетом, и канцелярией отдела здоровья. Станислав Теодорович начал отправлять многочисленные письма в органы здравоохранения Варшавы и Вильно с целью вернуть здание больницы, его детища, в которое было вложено столько сил и средств. Через некоторое время здание вернули, и больница снова начала выполнять свое назначение

В 1925 году 71 летний доктор отказался от должности и занялся частной практикой. В следующем году, в ноябре, он умер от воспаления легких, простудившись во время посещения больных. Его похоронила на Замковой горе. Один из пациентов, Томаш Жарик, пожертвовал для этого свой земельный надел.

Вначале над могилой Нарбута поставили крест, а позже белую 12-метровую стелу-свечу, символ врачевания. На ее вершине поместили фонарь, который ночью зажигали дежурные полицейские. Фонарь не только воплощал древний девиз медиков «Светя другим, сгораю сам», но одновременно служил маяком, освещающим путь рыбакам в озере Дривяты.

Деньги на памятник собрали признательные жители Браславского края. Их хватило не только на стелу, но частично и на строительство дома для оставшейся без кормильца вдовы доктора. На памятнике была укреплена доска с надписью «Станіслав Осцік Нарбут. 1853—1926. Лекару удзячная Браслаушчына». Доску уничтожили в советское время, установив на памятнике табличку с посвящением жертвам Великой Отечественной войны. Но в 90-е годы прошлого века жители города снова вернули памятнику надпись о Нарбуте.

Браславские медики являются достойными продолжателями дела народного врача. В Браславе с 1956 года действует детский противотуберкулезный санаторий. А в здании «нарбутовской лечебницы» сейчас Свято-Пантелеймоновский женский монастырь.

На Замковой горе находится не только памятник «народному доктору». Там, на месте древнего языческого капища, стоят деревянные скульптуры, изображающие героев красивой и грустной легенды о происхождении города.

Легенда о происхождении названия Браслав

Когда-то давно, среди голубых озер, на большой горе стоял прекрасный город, укрепленный башнями. А среди города возвышался замок. В том замке жил богатый князь Двин. Он всегда побеждал в битвах, и все другие князья дрожали перед ним. Князь имел богатство, славу, власть. Но он постоянно грустил. Все знали: Двин хмурый и злой от того, что у него нет сына и на нем закончится славный род Двина.

У князя была лишь одна дочка, Дрыва. Ее любили три молодых князя – Снуд, Нов и Брас. Однажды князь Двин со своей дружиной отправился в военный поход. В замке остались Дрыва и ее мать. Дрыва стала насмехаться над молодыми князьями. Она сказала им, каждому в отдельности, что пойдет лишь за того, кто вонзит свой меч в соперника.

Тогда Снуд и Нов задумали убить Браса. Они устроили засаду на дороге, по которой Брас должен был везти подарки для княжны. Но Брас заранее почувствовал недоброе, и с подарками для Дрывы отправил своего слугу. Снуд и Нов убили бедного слугу, думая, что убили самого Браса.

Молодые князья вернулись во дворец, зная, что им еще придется сразиться друг с другом. Ведь, согласно жестокому условию княжны Дрывы, в живых должен остаться только один. Снова зазвенели мечи. Снуд ударил мечом в самое сердце Нова, но и сам вскоре умер от ран. Так погибли два молодых, красивых, сильных князя.

Брас, узнав об этом, помчался в замок к Дрыве. Дрыва выбежала ему навстречу.

«Любимый, – сказала она, – бой закончился, твои соперники погибли, теперь я могу стать тебе верной женой». Посмотрел на нее с презрением гордый Брас и ответил: «Злобная княжна! Мне не нужна твоя любовь». И ушел от нее.

Красавица Дрыва не стерпела такого позора и бросилась в озеро. Ее мать, не вынеся горя, почти сразу умерла. Через некоторое время вернулся из похода князь Двин. Но и он, горя о жене и дочке, недолго прожил, завещая править городом и замком Брасу.

Брас был славный князь, очень справедливый. Но всю свою жизнь он прожил один. Его имя осталось жить в названии города Браслава. А имя княжны – в названии озера, где она нашла свою погибель, Дривяты. Как и имена старого князя, княжны и молодых князей в названии рек Двина и Друйка и озер Снуды и Новяты.

Воложин. Легенда о мистике Аризале

Вехи истории Воложина

Город Воложин, центр Воложинского района Минской области, находится в 75 км от столицы. Название его, возможно, произошло от имени Валога, человека, решившего поселиться в этой болотистой местности. По названию поселения получила свое имя и река Воложинка. Другая версия рассказывает, как в давние времена на месте современного Воложина останавливались на отдых погонщики волов. Волы пили из реки воду, а когда приходило время двигаться дальше, погонщики начинали кричать им: «Волы, жень!», что значило «волы, идите!». Так и произошло название Воложин.

Летописные сведения о Воложине впервые встречаются в немецких хрониках конца XIV века. Еще с городом связан заговор 1445 года воложинских князей против Великого Князя Литовского Казимира Ягеллончика. Владельцы Воложина братья Сухты по политическим мотивам намеревались завлечь молодого правителя в Налибокскую пушу на охоту и там убить. Но заговор был раскрыт, а заговорщиков казнили.

В 1507—1551 годах город стал центром Воложинского староства в составе Новогрудского воеводства, а затем местечком Ошмянского повета Виленского воеводства. Он периодически менял хозяев. Им владел А. Гаштольд, король Сигизмунд I Старый, его сын Сигизмунд II Август. С 1567 года – это собственность Николая Радзивилла Рудого, а с 1614 года Александра Слушки.

В то время Воложин являлся бойким торговым местом с еженедельными торгами, проходившими на рыночной площади. От нее в XVII веке отходили пять улиц: Виленская, Сморгонская, Кривая, Тыльная, Минская. Местечко имело 2 костела и 2 церкви.

Воложин при графах Тышкевичах

Новая жизнь Воложина началась в 1803 году, когда его купил граф Юзеф Тышкевич. При нем в 1806 году был построен дворцово-парковый ансамбль, а в 1816 году костел святого Юзефа в стиле классицизма. Современники говорили, что костел больше напоминает античный храм, чем католическую церковь.

Воложинский дворец Тышкевичей – тоже образец классицизма. Построенный на высоком берегу реки Воложинки, он прекрасно вписывался в ансамбль рыночной площади. Архитектор А. Косоковский выполнил дворцовый комплекс по традиционной схеме. Она включала каменный дворец, стоящий на высоком цоколе, два боковых флигеля (один для официальных приемов, второй для оранжереи), прямоугольный парадный двор. В самом дворце главное место отводилось «охотничьему» залу на втором этаже. Перед дворцом разбили регулярный парк, спускающийся к реке.

Население в 30-е годы XIX века насчитывало около 1700 человек, а в 60-е годы того же века больше 2,5 тысяч. Жители местечка строили деревянные и каменные дома, открывали лавки, трактиры. Но исключительное право «продажи питей» принадлежало владельцу местечка графу И. Тышкевичу, «помещику польского происхождения», как писали «Виленские ведомости».

Воложин разрастался, и в 80-е годы XIX века здесь уже жило больше 3,5 тысяч человек. В нем были 3 христианские церкви, синагога, волостное правление, народное училище, почтовая станция, аптека, мельница, камера временного судебного следователя. Торговлей занимались преимущественно евреи. Ежегодно проводилось по пять ярмарок, специализировавшихся на продаже волов, лошадей, льна, кож. В конце XIX века открылись больница с двумя врачами, мещанская управа, народное и приходское училище.

Воложин в XX веке

В Первую мировую войну город стал прифронтовым, а в 1918 году его оккупировали немцы. Позже Воложин вошел в состав провозглашенной Белорусской Народной Республики. 1918 год запомнился местечку двухнедельным восстанием воложинцев против немцев, во время которого часть солдат оккупационной армии, воодушевленных лозунгами большевиков, перешла на сторону восставших.

С 1921 до 1939 года Воложин входил в состав Польши как центр Воложинского повета Новогрудского воеводства. В 1929 году он получил статус города и право выбирать городскую раду из 12 человек. В магистрат вошли 4 человека. Первым городским главой, бурмистром, стал Станислав Швед, польский офицер.

На территории Воложенщины в тот период распространялись анти-польские настроения. Поэтому приход Красной Армии в 1939 году воложинцы встретили с энтузиазмом, как и вхождение в состав БССР. С 1940 года Воложин стал центром Воложинского района Барановичской области. В период Великой Отечественной войны здесь действовали многочисленные партизанские отряды, размещалось областное партизанское руководство.

Во время оккупации все еврейское население, которое в городе преобладало, оказалось в концлагерях. Репрессиям подвергали и белорусов, русских, поляков. Возле горы Высокая оккупанты расстреляли больше 1000 человек. Массовые расстрелы проводились на городском стадионе, на «зеленом плацу», еврейском кладбище. Всего за время оккупации, закончившейся 5 июля 1944 года, погибли 8 тысяч воложинцев, жителей города и окрестных деревень.

После освобождения город вошел в состав Молодеченской области, а с 1965 года как районный центр – в Минскую область.

Штетеле Воложин

История Воложина неразрывно связана с историей местной еврейской общины. Когда в Западной Европе в XV – XVI веках прокатилась волна антисемитизма, в ВКЛ и Польшу эмигрировало большое количество евреев-ашкенази (название евреев Восточной Европы). В ВКЛ они создали этнографическую группу литваков с собственным диалектом идиша и традициями. В Воложине литваки оказались в 1567 году, получив покровительство владельца местечка Радзивилла.

Белорусские местечки, где поселялись евреи, назывались штетеле, или штетлы. По переписи населения 1897 года в Воложине и окрестностях из 4534 жителей 2425 были евреями. Интересен документ судебного разбирательства между графом Тышкевичем и воложинской еврейской общиной. Дед графа, Юзеф Тышкевич, выдал в 1809 году общине конвенционный документ, гарантировавший определенные права и размер налогов. Документ обязывал местных крестьян покупать товары исключительно у местечковых евреев и свою продукцию продавать тоже только им. Также земля, находившиеся на ней дома, лавки и прочие строения, уже стоящие или в будущем построенные евреями, полагалось считать собственностью их и их наследников при уплате определенного чинша. Чинш уплачивался и за право торговать спиртным. От уплаты освобождались синагога, образовательные учреждения, госпитали.

Новый хозяин запретил им строить новые дома и ремонтировать старые, занятые под продажу спиртных напитков. Еврейская община подала жалобу, которую рассматривал Сенат. Дело занимало 7 томов в 3000 листов. Хотя Сенат и признал некоторые положения документа устаревшими, но подтвердил главные требования общины. Позже община зашла слишком далеко, подав губернскому начальству прошение о запрете строительства графом Тышкевичем на рыночной площади торговых лавок. В губернии прошение отклонили, и Иван Тышкевич соорудил на торговой площади множество каменных лавок.

Мировая слава Воложинской иешивы

Духовным центром общины была синагога. Но мировую славу приобрела Воложинская иешива, ставшая образцом крупных талмудических учебных заведений. Ее основал в 1803 году Хаим Воложинер. Последующие руководители назначались из его потомков или родственников, крупных авторитетов в области изучения иудаизма. Ими были Иосиф Беер Соловейчик, Хаим ха-Леви Соловейчик и другие.

В иешиве Талмуд преподавали с позиции анализа текста и понимания его обычного значения. Новшеством стало проживание учащихся на территории учебного заведения, дабы они не подвергались «разлагающему влиянию среды». В связи с этим Воложинер организовал сбор средств среди еврейских общин Беларуси на содержание иешивы и проживание ее слушателей, которых тогда было всего 10 человек. В 1812 году здесь обучались уже 100 будущих раввинов. (47)

Авторитет заведения за десять лет настолько вырос, что Виленский военный губернатор отдал предписание российским военным везде и всегда защищать учащихся Воложинской иешивы. А глава образовательного учреждения считался одним из руководителей общероссийской еврейской общины.

В 1824 и 1858 годах иешиву закрывали. В 1866 здание сгорело, но сразу же начался общественный сбор пожертвований на восстановление. В 80-е годы XIX века в Воложин приезжали изучать Талмуд 400 студентов не только из Российской империи, но и из США, Германии, Австрии. Здесь, несмотря на приверженность строгим классическим образцам преподавания, ощущались веяния новых течений в иудаизме. В том числе нравственно-этического мусар, еврейского просвещения Хаскала и движения сионистов Ховевей Цион.

Студенты изучали исключительно Талмуд и источники еврейских законов. Когда Российское министерство народного просвещения утвердило документ об обязательном преподавании им светских наук, русского языка и математики, как в еврейских народных училищах, глава учреждения Н. Берлин отказался пойти на подобный шаг. Иешива снова оказалась закрыта с 1892 по 1895 годы, а самого Берлина и учащихся из Воложина выслали.

С 1895 и до Первой мировой войны в учебном заведении снова продолжались занятия, но с приближением к Воложину фронта их прекратили. В польский период иешива снова приступила к обучению раввинов, которое продолжалось и после 1939 года. Она получила общемировое название «ЭМмаЕШИВА», «мать иешив». Ее последние 64 учащихся погибли в воложинском гетто в период немецкой оккупации 1941—1944 годов.

Еврейская община Воложина в польский период 1921—1939 годов

Община имела три городских синагоги, начальную религиозную школу «Тарбут», где детей обучали кроме основ иудаизма, польскому языку и истории Польши. После нее многие поступали в 5-й класс польской семилетней школы.

В те годы развивалось предпринимательство. Предприниматель Ванд Поляк построил электростанцию и являлся главным городским поставщиком электроэнергии. Члены общины владели лесопильней, мельницей, льнообрабатывающими предприятиями, кондитерскими и кафе, магазинами оптики, фотографиями. С 1921 по 1939 годы евреи Воложина, впрочем, как и всей Западной Белоруссии, монополизировали самые прибыльные ремесленные специальности в сфере обслуживания: фотомастера, парикмахеры, часовые мастера, извозчики-фурманы. Фурманы зарабатывали очень большие деньги, не только курсируя между населенными пунктами, но и работая на свадьбах и других семейных празднествах.

Польские власти для открытия предприятия или ремесленной мастерской требовали получения промышленного свидетельства, «карты». Оно стоило больших денег и временных затрат из-за бумажной волокиты. Поэтому многие занимались ремеслом и торговлей нелегально. Если такая деятельность обнаруживалась, то налагались штрафы и «гешефт» закрывался.

Крупные промышленные еврейские предприятия, оформленные в соответствии с польскими законами, особенно лесопилки и деревообрабатывающие фабрики, имели хорошее техническое оснащение, в том числе паровые и электрические котлы. На предприятиях обычно работало от 2 до 6 наемных работников.

Вовсю процветала торговля. В лавочках и магазинах покупателя всегда встречали очень вежливо, приглашали с порога зайти, всех называла «панями», предлагали делать покупки в кредит. На прилавках лежали колбасы, сыры, разные сладости, сиропы, шпроты. Единственный день, когда еврейские магазины закрывались, была суббота, день шаббата. Евреи держали продуктовые магазины, бакалеи, кондитерские, магазины колониальных и галантерейных товаров, лавки, специализирующиеся на продаже чая, кофе. Основными владельцами ресторанов, таверн, баров, кафе, вино-водочных магазинов тоже были евреи. Они содержали гостиницы и постоялые дворы. Особенно известными владельцами постоялых дворов в Воложине и окружающих деревнях считались И. Люск, М. Левин, З. Рабинович, братья Брудно.

Существовал вид деятельности, который сейчас называется маркетинг. В то время его специалисты именовались «факторы». Они за финансовое вознаграждение изучали рынок, прогнозировали сделки, занимались их юридическими вопросами. По виду деятельности сделки делились на торговые, служебные, промышленные. (16)

Процветало ростовщичество. Обычно еврейские ростовщики давали деньги «в долг» под 4—5% или под залог ценных вещей и бумаг. В качестве оплаты принималась даже работа заемщика по его ремесленной специализации.

Именно тогда зародилась система местечковых банков. Банки давали деньги на развитие ремесла и предпринимательства на 1—2 года под 8—10% годовых. Еврейские крупные купцы не только торговали, но и были владельцами промышленных предприятий, ремесленных мастерских, арендаторами крупных магазинов. Польские власти не чинили им препятствий и не ограничивали предпринимательство.

Воложин С 1939 до 1945 года

После вхождения Воложина в состав БССР Советская власть запретила все традиционные еврейские религиозные и светские учреждения, общественные организации. Были арестованы члены еврейских партий, сионистской и Бунд. Но самым сильным ударом стал запрет на частную торговлю. Поскольку быть ремесленником-единоличником тоже запрещалось, создавались различные артели. Например, райпромкомбинат на базе предприятий Поляка и Раппопорта со столярными, лесопильными, кузнечными цехами. Очень быстро члены общины приспособились к новым условиям и стали руководителями воложинских учреждений и предприятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.